

ДЖЕК ЛОНДОН

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *М. Ключковского*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Лондон, Джек.

Л76 Приключение : [роман] / Джек Лондон ;
[перевод с английского М. Ключковского]. —
Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. —
(Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-187899-3

Дела английского плантатора Дэвида Шелдона, несущего «бремя белых» на страшных Соломоновых островах, идут неважно: принадлежащее ему торговое судно затонуло, работники страдают от дизентерии, деловой партнер умер, а недавно посаженные кокосовые пальмы дадут урожай только через семь лет. Пара белых торговцев предлагает выкупить плантацию, но озвученная ими сумма покроет лишь часть затрат Дэвида. Спасение приходит в лице Джоан Лэкленд, молодой, предприимчивой и жаждущей приключений американки, потерпевшей крушение у берегов Гуадалканала. У прогрессивно мыслящей девушки хватает нестандартных идей по спасению бизнеса Дэвида.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-187899-3

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Мы те глупцы, которым чужды
Унынье, покой и земля.
Нас Запад манит, и мы влюблены
В ветра в парусах корабля.

Мы без сожалений покинем края,
Где мудрость в покое живет,
И слепо помчим в чужие моря,
Пусть волны несут нас вперед!

«Корабль дураков»

Глава I

НА ЧТО-НИБУДЬ НАДО РЕШИТЬСЯ

Бледнолицый человек был болен. Он сидел верхом на плечах у косматого дикаря. Отвислые уши чернокожего были пробиты насквозь. На одном из них висело серьгой деревянное кольцо трех дюймов в диаметре, а мочка другого была изорвана, поэтому второе отверстие, просверленное выше первого, было поуже, и в нем могла поместиться всего только небольшая глиняная трубка.

Двуногий конь лоснился от грязи; весь костюм его состоял из узенькой грязной повязки на бедрах — и только.

Белый всадник старался сидеть прямо и крепился изо всех сил, но порою от слабости голова его невольно валилась на сторону и опускалась, как на подушку, на косматую гриву чернокожего дикаря. Потом опять он поднимал голову кверху и помутневшими глазами смотрел на верхушки кокосовых пальм, чуть заметно покачивавшиеся в знойном, раскаленном воздухе.

Стан белого прикрывала кисейная рубашка и кусок бумажной материи, спускавшейся от талии до колен. На голове красовалась помятая шляпа «Стэтсон», иначе называемая «Баден-Пауэль». Автоматический пистолет большого калибра и несколько запасных обойм с патронами висели на поясе.

Сзади плелся черномазый мальчишка лет четырнадцати или пятнадцати, нагруженный всевозможными лекарствами, пузырьками и медицинскими принадлежностями и тащивший ведро кипяченой воды.

Они вышли из ограды усадьбы через небольшую плетеную калитку и продолжали путь под прямыми лучами палящего солнца. Молодые посадки кокосовых пальм, между которыми они теперь пробирались, еще не могли давать тени. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка; тяжелый раскаленный воздух дышал миазмами. С той стороны, куда они направлялись, доносился дикий вой, похожий на плач и скрежет несчастных душ, терзаемых пыткой.

Впереди обозначился длинный низкий сарай с тростниковыми стенами и соломенной крышей, откуда исходил этот вой и эти стоны, вызываемые тягостным томлением и нестерпимыми муками.

По мере приближения к бараку белый господин начинал различать более тихие непрерывные стенания и вздохи. Его лицо исказилось при мысли о том, что ему надлежало туда войти, и он почувствовал головокружение, близкое к обмороку. Берандскую плантацию поразил злейший бич Соломоновых

островов* — дизентерия, и хозяину плантации приходилось бороться с этим страшным врагом одному. А между тем он и сам уже подвергся заразе.

Продолжая восседать на спине чернокожего и пригнувшись пониже, белый всадник приказал ему войти в низкую дверь. Переступив через порог, он выхватил у сопровождавшего его мальчугана пузырек нашатырного спирта и поднес его к лицу, чтобы очнуться и получше подготовиться к предстоящему испытанию. После того он скомандовал: «Смирно», — и больные сразу замолкли.

Во всю длину барака тянулись слегка покатые досчатые нары футов** в шесть ширины. Узкий проход отделял этот помост от стены. На нем лежали вповалку, плечом к плечу чернокожие пациенты. Их было десятка два. С первого взгляда бросалось в глаза, что люди эти принадлежат к самым низшим расам. Они были людоедами. Неправильные черты лица и уродливые члены придавали им некоторое сходство с обезьянами.

Безобразные фигуры чернокожих пестрели разноцветными ракушками, багрянками***, продетыми через кончик носа, проволочными усиками с нанизанными на них бусами. Просверленные в ушах

* Соломоновы острова (называются также архипелагом Новой Георгии) расположены в Тихом океане между 5°—11° южн. шир. и 154°40' и 162°30' вост. долг. от Гринвича. Архипелаг состоит из семи больших и множества малых островов.

** Английский фут = 0, 30479 м.

*** Багрянки — род моллюсков, имеющих заостренную овальную полосатую раковину.

дырки были сильно разворочены и приспособлены к ношению всевозможных деревянных бирюлек, трубочек и прочих варварских украшений. Тела и лица у них были иссечены и татуированы разными отвратительными рисунками. Больные лежали совершенно голые, скинув с себя даже набедренные повязки, но все же не расставались со своими браслетами из раковин, бисерными ожерельями и ременными поясами с заткнутыми за них набедренными повязками, прилегавшими непосредственно к голому телу.

У большинства больных кожа была покрыта гноившимися болячками. Мухи тучей кружились над ними, и то садились, прилипая к болячкам, то опять отлетали.

Белый человек произвел обход и каждому больному дал лекарства. Кое-кому отпустил хлородина. Он всячески старался припомнить, кому можно дать ипекакуану* и кому из них были не под силу приемы этого сильнодействующего средства.

Один дикарь лежал без дыхания; плантатор распорядился убраться его труп. Белый человек отдавал приказания резким, повелительным голосом, не допускающим никаких возражений, и здоровые слуги злобно хмурились, исполняя его приказания. Один из них заворчал что-то, неохотно вытаскивая покойника за ноги. Белый человек вспыхнул, выру-

* Хлородин — болеутоляющее средство. Ипекакуана — корень растения («цефелиса»), распространенного в тропических странах; этот корень тоже употребляется в медицине (отхаркивающее и для других целей).

гался и, хотя ему стоило огромного напряжения, замахнулся и ударил ворчуна по губам.

— Ты что там бормочешь, Ангара? — окрысился он. — Будешь у меня разговаривать, а? Ужо я выколочу из тебя эту дурь, погоди!

Чернокожий присел, как зверь, готовый кинуться на врага. Зловещая искра мелькнула в его глазах; но господин держал в руке рукоятку револьвера, и туземец не отважился на прыжок. Напряжение мускулов его ослабело и, покорно склонившись над трупом, он помог его вынести.

— Свиньи, — процедил хозяин сквозь зубы, относя это замечание ко всем туземцам Соломоновых островов.

Он был сильно болен, этот белый человек, и страдал той же самой болезнью, как и эти жалкие, беспомощные людоеды, которых он лечил. Каждый раз, переступая порог зловонного барака, он сомневался в возможности выдержать обход до конца. Но нисколько не сомневался в том, что, случись ему в этом месте потерять на минуту сознание, чернокожие пациенты, кто только в силах, накинутся на него и растерзают, как алчные волки.

Один из них умирал. Он распорядился убрать его, как только умирающий испустит последний вздох. В наружную дверь просунулся чернокожий и доложил:

— Заболело еще четыре фелла*.

* Фелла — человек; употребляется и при обращении, как «господин».

Говорившего окружали вновь заболевшие, еле державшиеся на ногах. Белый господин отрядил наиболее слабого из них на то место, откуда только что убрали покойника.

Другому, тоже слабому, приказал дожидаться, пока для него освободится постель умирающего. Потом он послал одного из здоровых чернокожих за полевыми работниками, приказав ему сделать пристройку к баракам, а сам продолжал свой обход, отпуская лекарства и обращаясь к больным с шутивыми замечаниями для поддержания душевной бодрости страждующих. Порою в отдаленном уголке сарая раздавались чьи-то горькие жалобы. Добравшись до этого угла, он увидел, что жалобы испускал здоровый мальчишка. Белый человек вспыхнул, как порох.

— Что ты тут распеваешь? — заорал он.

— Этот фелла — мой брат, — отвечал мальчуган. — Много фелла умирают.

— Ты причитаешь над братом? Вот я те задам, толстомордый! Цыц, говорят тебе, перестань! Ты его заживо отпеваешь, дурацкая ты башка! Замолчи, или я тебя выброшу. — Он погрозил ему кулаком, и черномазый мальчишка притаился, сверкая белками.

— Нечего кудахтать, — продолжал белый человек, примирительным тоном. — Чем нюни распускать, отгонял бы от брата мух. Смотри, как его облепили. Да принеси воды и обмой его, братишку-то своего. Обмой как следует, и он тебе скажет спасибо. Ну, поворачивайся! — прикрикнул он под конец, и воля его магнетически подействовала на слабый

ум дикаря: мальчик выпрямился и принялся отгонять рой отвратительных мух, летавших над телом страдальца.

Белый всадник очутился снова под лучами палящего солнца.

Он крепко уцепился за шею двуногого коня своего и вздохнул полной грудью, но знойный воздух, казалось, обжигал его легкие; он свесил голову и погрузился в полузабытье. Очнулся он, только добравшись до дому. Малейшее усилие причиняло большие мучения, но ему все время приходилось делать эти усилия. Он поднес своему вознице стаканчик виски. Камердинер Вайсбери притащил раствор сулемы, и он тщательно обтерся дезинфицирующей жидкостью. Потом проглотил порцию хлородина, пощупал сам себе пульс, поставил себе термометр и повалился на постель с подавленным стоном. Время было не позднее, а он уже за этот день успел совершить три обхода. Он кликнул слугу.

— Поставь-ка трубку да погляди, не видать ли там «Джесси»?

Слуга вынес на веранду длинную подзорную трубку и принялся обыскивать море.

— Там, фелла, шхуна, далеко-далеко. Там, фелла, «Джесси», — объявил он.

У больного плантатора отлегло от сердца.

— Коли это «Джесси», получишь от меня пять пачек табаку, — промолвил он.

Водворилось молчание. Больной насторожился. Спустя некоторое время слуга нерешительно произнес:

— Может, «Джесси», может, другой, фелла, шхуна.

Хозяин свалился с кровати, дополз на колеснях до стула. Ухватившись за его спинку, он приподнялся. Опираясь все время на стул и продвигая понемногу его вперед, он осилил расстояние до веранды. От напряжения пот градом катился с его лица и рубашка промокла. Кое-как добравшись до кресла, он опустился в него в состоянии полного изнеможения, но минуту спустя привстал и взялся за трубку. Слуга положил конец подзорной трубы на перила веранды, и хозяин уставился на море. Вскоре он уловил в поле зрения белые паруса и начал пристально разглядывать шхуну.

— Нет, это не «Джесси», — произнес он совершенно спокойно. — Это «Молекула».

Он поднялся с кресла и пересел в качалку. Дом стоял в трехстах футах от берега моря, где пенились небольшие волны. С левой стороны виднелась белая линия прибоя, отмечающая устье реки Бейльсуны, а за нею выступали суровые очертания острова Сэйво. Прямо впереди, за проливом с дюжину миль шириной, возвышался остров Флорида: а с правой стороны на огромном расстоянии отсюда в туманной дали маячили чуть заметными точками берега Малаиты* — дикого острова, притона разбоя, грабежа и людоедства, родины тех самых двухсот рабочих рук, которых завербовала для себя Берандская плантация. Между домом и морем параллельно

* Малаита — второй по величине из Соломоновых островов, отделен проливом Индиспенсэбль от острова Изабеллы.

береговой линии шла тростниковая ограда поместья. Ворота стояли настежь открытые, и хозяин велел прислужнику запереть их. По сю сторону частокола, внутри усадьбы, росло много кокосовых пальм. В конце дорожки, проложенной к воротам, с обеих сторон высились флагштоки, поставленные на искусственных холмиках, футов в десять вышиною. Вокруг основания каждого флагштока вкопаны были короткие поддерживающие его столбики, покрашенные в белый цвет и туго обмотанные тяжелой цепью. Флагштоки походили на мачты: они убраны были по-настоящему: на них красовались ванты, выбленки, гафеля и фалы*. На одном из гафелей вывешены были два ярких флага: один — вроде шахматной доски с белыми и синими клетками, а другой — в виде белого вымпела с красным диском посередине. Согласно правилам международного морского устава, этот сигнал давал знать о беде.

В отдельном уголке усадьбы сидел нахохлившийся ручной сокол.

Белый человек посмотрел на птицу и подумал, похоже ли его самочувствие на ощущения сокола, и улыбнулся при мысли о сродстве между человеком и птицей. Он встал с качалки и распорядился ударить в большой колокол, возвещавший работникам плантации об окончании дневных трудов и о возвращении с полей в шалаши. Спустя некоторое время

* В а н т ы — снасти, укрепляющие мачты с боков. Г а - ф е л я — наклонные деревья, упирающиеся нижним концом в мачту. Ф а л ы — снасти, поднимающие паруса (или флаг).

он опять оседлал человека-коня и отправился совершать свой последний обход.

В барак привели двух вновь заболевших. Он заставил их принять касторового масла и поздравил себя: день выдался легкий — умерло всего только трое; осмотрев мимоходом сушильную для копры*, где еще продолжалась работа, он обошел жилища своих рабочих, чтобы посмотреть, не скрываются ли там больные, которых велено было тотчас же подвергать изоляции. Возвратившись домой, он выслушал доклады своих приказчиков и отдал необходимые распоряжения на завтрашний день. Лодочников он отправил в дом на ночевку, как это всегда было принято делать из осторожности, после того как вельботы** вытаснены из воды и поставлены под замок. Предосторожность нелишняя, ибо на чернокожих нельзя было положиться, и если оставить вельбот вечером на берегу, то на следующее утро не досчитаешься человек двадцати. С тех пор, как доставка каждого чернокожего на плантацию стала обходиться хозяину в тридцать долларов или около того, смотря по тому, на какой срок он был завербован, на бюджете Берандской плантации тяжело отзывалась потеря в людях. Кроме того, и вельботы стоят недешево на Соломоновых островах. Участвующая смертность ежедневно сокращала оборотный

* К о п р а — название ядра кокосового дерева, очищенного от скорлупы, истолченного и высушенного на солнце. Служит для добывания кокосового масла.

** В е л ь б о т — узкая и длинная шлюпка, имеющая острый нос и такую же корму.

капитал. С неделю тому назад семеро туземцев бежали в лесные дебри; четверо беглецов вернулись изнуренные донельзя лихорадкой и сообщили, что двоих товарищей зарезали и сожрали гостеприимные лесовики, а седьмой все еще бродит недалеко от берега и высматривает, как бы украсть челнок или лодку и отправиться в ней к себе на родину.

Вайсбери принес показать хозяину пару зажженных фонарей. Белый человек осмотрел их и, удостоверившись, что они горят хорошо, широким, ярким пламенем, одобрительно кивнул головой.

Один фонарь подвесили на гафель флагштока, а другой оставили на открытой веранде. Фонари эти служили путеводными огнями для судов, прибывавших в Беранду. Их зажигали, осматривали и вывешивали ежедневно по вечерам в течение круглого года.

Отделавшись, наконец, от всех дневных забот и попечений, белый человек вздохнул с облегчением и повалился, как сноп, на кровать. Возле него лежали ружье и револьвер. Целый час он пролежал неподвижно, в состоянии полудремоты, полулетаргии. И вдруг очнулся. Что-то хрустнуло на веранде. Помещение имело вид буквы «L»; угол комнаты, в котором стояла его кровать, погружен был во мрак; хотя за углом, в конце длинного коридора, ярко горела лампа, висевшая над бильярдом, но свет ее не проникал сюда. Веранда также была освещена. Он притаился и выжидал, что будет дальше. Скрип повторился несколько раз, и он догадался, что на веранду взобралось несколько человек.

— Кто там?! — крикнул он что есть мочи.

Дом, возведенный на сваях в двенадцать футов высоты, весь зашатался от топота ударающих посетителей.

— Они становятся чересчур дерзкими, — пробормотал он... — На что-нибудь надо решиться.

Над Малаитой взошел полный месяц и облил своим светом Беранду. Неподвижный воздух застыл в тишине. Со стороны барака продолжали доноситься глухие стоны больных. В тростниковых сараях отдыхало от дневных трудов двести человек косматых людоедов. Они спали не все. Один из них проклинал громогласно белого человека, не знавшего сна, а другие внимали этим проклятиям. На всех четырех верандах господского дома горели фонари. А в стенах дома между ружьями с одного бока и револьверами — с другого лежал сам этот проклинаемый человек и стонал, и метался, то просыпаясь, то вновь засыпая тревожным сном.

Глава II

КОЕ-ЧТО УЖЕ СДЕЛАНО

На следующее утро Дэвид Шелдон почувствовал себя значительно хуже. Сказался заметный упадок сил и появились некоторые другие неблагоприятные симптомы. Приступая к обходу, он предвидел смуту. Он даже желал, чтобы произошла какая-нибудь вспышка. Напряженное положение, создавшееся за последнее время, могло внушить серьезные опа-

сения даже и в том случае, если бы он был совершенно здоров; но ввиду беспомощного состояния, в котором он находился и которое ухудшалось с каждым днем, необходимо было во что бы то ни стало проявить какую-нибудь инициативу.

Чернокожие становились час от часу все мрачнее и подозрительнее, и появление прошлой ночью нескольких человек на веранде — проступок, считавшийся одним из самых тяжких в Беранде, — не предвещало ничего хорошего. Рано или поздно они нападут на него, если только он сам на них не обрушится первый, не поразит их темные души пламенной силой цивилизованного человека.

На этот раз он вернулся домой весьма недовольный. Не представилось ни малейшего повода проучить кого-нибудь за дерзость или непослушание, такого повода, каких было немало за последнее время, с тех пор как в Беранде развилась эпидемия. Сам по себе уже этот факт был довольно подозрительным. Дикари становились коварными. Он раскаивался в том, что преждевременно спугнул забравшихся к нему ночью бродяг. Если бы он только дождался, пока они войдут в комнату, то он уложил бы на месте одного или двух и проучил бы таким образом остальных. Он был один среди двухсот чернокожих и до смерти боялся, как бы болезнь не сокрушила его и не отдала во власть дикарей. Воображение его рисовало картину, как чернокожие нападают на усадьбу, грабят припасы, устраивают грандиозный пожар и бегут в Малаиту, и как его собственная голова, основательно проявленная